

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 792.5+78(09)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПАРНАС И МУЗЫКАЛЬНАЯ МОСКВА В ЖИЗНИ Н.П. ТРУБЕЦКОГО

MUSICAL PARNASSUS AND MUSICAL MOSCOW AT N.P. TROUBETZKOY'S LIFE

О.Р. Глушкова
O.R. Glushkova

Государственный институт искусствознания, Россия, 125000, г. Москва, Козицкий переулок, 5

State Institute of art studies, 5 Kozitsky Per., Moscow, 125000, Russia

E-mail: olga_rein@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из фрагментов истории Консерватории Московского отделения Русского музыкального общества. Представленные материалы расширяют сведения об ее известных основателях и первых профессорах.

Resume. The article deals with one of the fragments of the history of the Conservatory of the Moscow branch of the Russian musical society. Submissions extend information about its famous founders and professors.

Ключевые слова: Русское музыкальное общество, Московская консерватория, основатели и первые профессора Московской консерватории, Ахтырка, князь Н.П. Трубецкой.

Key words: Russian Musical Society, Moscow conservatory, creators and first professors Moscow conservatoire, Ahturka, Prince N.P. Troubetzkoy.

«Русский музыкальный Парнас» – так можно было бы назвать подмосковное имение князей Трубецких Ахтырку, по аналогии со знаменитой усадьбой князей Вяземских Остафьево, известной как «Русский Парнас». Именно в Ахтырке князей Трубецких бывали многие представители московской музыкальной элиты XIX века – профессора Консерватории Московского отделения Императорского (1873-1917) Русского музыкального общества.

Знаменательное историческое событие – открытие Московской консерватории (в арендованном Обществе доме на улице Воздвиженка) 1 сентября 1866 года – прошло при стечении большого числа представителей московской музыкальной общественности, городских властей, членов РМО, духовенства, благотворителей, первых преподавателей и учащихся Консерватории. В центре внимания были ее создатели – Дирекция Московского РМО – Н.Г.Рубинштейн, князя Н.П. Трубецкой, Д.А. Оболенский, В.Ф. Одоевский.

Музыкальная часть торжества началась с исполнения увертюры к опере «Руслан и Людмила» М.И. Глинки, «гениального родоначальника русской школы», сыгранной на рояле преподавателем Московской консерватории, выпускником С.Петербургской консерватории молодым П.И. Чайковским. Далее прозвучали сочинения Л.ван Бетховена в исполнении выдающихся артистов: Н.Г. Рубинштейна, И. Венявского, Ф.Лауба и Б. Коссмана.

Блеск художественного мастерства, заданный этими выдающимися музыкантами в концертах МО РМО и с первых дней их работы в Консерватории, производил огромное впечатление на московскую музыкальную аудиторию и учащихся. Об игре «фортепианного гения» Николая Григорьевича Рубинштейна, чешского скрипача Фердинанда Лауба, немецкого виолончелиста Бернгардта Коссмана сохранилось множество восторженных отзывов современников.

Князь Николай Петрович Трубецкой (1828–1900), как истинный ценитель музыки, был покорен искусством выдающихся виртуозов и стал принимать их в своем домашнем кругу, приглашая в имение.

«Музыкальные собрания» в Ахтырке проходили в летние месяцы (конец 1860-х середина 1870-х годов), когда в Консерватории наступал вакационный (каникулярный) период, и завершал-

ся концертный сезон Московского отделения РМО. В имении же Трубецких, напротив, музыкальная жизнь в эти месяцы расцветала.

Добираться до Ахтырки было удобно: один час по Троицкой железной дороге [12] до станции Хотьково, оттуда три версты до вотчины князей Трубецких. Их великолепный дворец был виден издали. *«Въездные ворота стояли в начале главной аллеи, на восточной границе Ахтырской усадьбы. Они представляли собой два мощных и высоких, кирпичных, рустованных столба, сверху украшенных белокаменными шарами... Прямая и широкая аллея, протяженностью почти триста метров, с дорогой, проложенной от въездных ворот к парадному двору усадьбы, была обсажена с каждой стороны рядами вековых лип с внешней стороны и стриженными, часто посаженными елями – с внутренней...»* [2: 396].

Широкие и светлые липовые аллеи были характерной чертой многих русских дворянских усадеб XIX века. Аллея в упомянутом выше имении Остафьево «с легкой руки» А.С. Пушкина именовалась «Русским Парнасом», так как была местом встреч великих русских поэтов и писателей: В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя и других.

Красота архитектурного ансамбля Ахтырки запечатлена в воспоминаниях и фотографиях [7]. *«Это была величественная барская усадьба Etripe, один из архитектурных шедевров начала XIX столетия. Усадьба эта и сейчас слывет как одна из самых дивных подмосковных старинного типа...»* [8: 9], – писал в 1917 году князь Е.Н. Трубецкой, родившийся и проведший отроческие годы с братом и сестрами в Ахтырке.

Более развернутое описание имения находится в исследовании Дмитрия Ганешина: *«...Особенно красив дом с правого берега пруда и от пристани... Парадный шестиколонный портик в центральной части здания с фронтоном, богато украшенным лепным изображением фамильного герба князей Трубецких, – все выдержано в классическом стиле... хороши четырехколонные портики флигелей, соединенные с центральной частью галереями... Стены обработаны квадратным рустом, имеют лепные украшения на фронтонах и над оконными проемами с узкими фризами на карнизах <...> Наружные стены дома, его флигеля и кухни были окрашены в бледно-желтый цвет, а колонны и декор оставлены белыми, что смотрелось очень эффектно <...> Просторная и ровная площадь между усадебным домом и церковью... создавала большой, парадный двор, в плане почти правильной квадратной формы... В центре двора был устроен бассейн с фонтаном, вокруг которого и вдоль разбитых дорожек росли розы, множество левкоев, пионы, душистый горошек и другие цветы, а между ними – газон <...> На парадном дворе была проложена кольцевая дорога, как бы описанная радиусом из центра фонтана, служащая для подъездов к главному дому, церкви и другим дворовым постройкам.*

Площадка с балюстрадой прекрасно гармонировала с находящейся за ней террасой: тот же стиль балюстрады, такие же изящные мраморные вазы, установленные на тумбах, украшавшие этот уголок дома. Площадка заканчивалась отвесным белокаменным рустованным цоколем с вделанной в него львиной головой, из разинутой пасти которой лилась струя воды в полукруглый невысокий бассейн, откуда бралась вода для полива цветов. С площадки открывался неширокий, но чудесный вид на цветник, пруд и парк.

Каменная лестница, сооруженная из дикого камня на крутом правом берегу Вори, вблизи парома, вела в верхний парк. Наверху имелась площадка со скамейкой для отдыха. «Верхний» парк и эта скамейка были излюбленным местом для свиданий. От этой площадки разбежались кривые дорожки по парку, и одна из них, обсаженная елочками, вела к интересной двухэтажной беседке, носившей название «Эрмитаж». На шпигле этой беседки имелся флюгер – «Эолова арфа», издававший при дуновении ветра мелодичные звуки. В парке размещались скамейки даже в самых отдаленных местах и создавались уютные уголки. Вообще же искусственных насаждений в парке почти не было. Был он разбит в старом расчищенном лесу с лужайками и оврагами, над которыми висели легкие мостики, выстроенные из неокоренных молодых березок.

Плотина с ледоломом, мельница и дом мельника. Это было одно из поэтических мест Ахтырской усадьбы... [2: 391-396].

О внутреннем убранстве дворца сейчас можно судить только по воспоминаниям князя Евгения Трубецкого: *«Парадные комнаты – зал, бильярдная, гостиная, кабинет – были великолепны и просторны; но рядом с этим – жилых комнат было мало <...> Внутри дома... все было парадно: мебель из карельской березы, не допускающая дурных манер, ибо на ней нельзя развалиться... портрет императора Александра Павловича в пурпуровом одеянии и со звездой... огромное, в рост человеческий, изображение какого-то принца с гончими собаками. Это – в столовой. В кабинете... висели в золотых рамках... портреты предков»* [8: 9].

Приезжая в Ахтырку к князю Николаю Петровичу, его «музыкальные друзья» находили радушный прием, комфортные условия для отдыха и общения на лоне спокойной и живописной русской природы. Музицирование «для собственного удовольствия», прогулки, купание, рыбная ловля составляли приятное времяпрепровождение гостей и радовали хозяев. Князь и княгиня были увлеченными музыкантами. Николай Петрович обладал хорошим голосом, в бытность свою в

Петербурге брал уроки пения у известного вокального педагога Г.А. Ломакина. Софья Алексеевна играла на фортепиано.

О «программах» подмосковных музыкальных вечеров в Ахтырке точных сведений нет, зато сохранились сведения об исполнителях. *«Знаменитый Косман приезжал играть на виолончели, Лауб, тогда один из первых скрипачей в мире – на скрипке; он часто посещал нас и играл со мной, ребенком, на бильярде. Потом известный ученик Лауба – Гржимали, виолончелист Фитценгаген и, наконец, великий Н. Г. Рубинштейн, которого мы, дети, любили как родного. Я помню прекрасно, как они играли в Ахтырке трио»,* – вспоминал Е.Н. Трубецкой [2: 416]. *«Дом был часто наполнен музыкой, исполнявшейся самыми известными, самыми талантливыми артистами Москвы»,* – замечает и Ганешин [2: 416].

Николай Рубинштейн, блестящий пианист, артистический директор Московского отделения РМО и директор Консерватории, пользовался особым расположением князя, и княгиня Софья Алексеевна также принадлежала к числу поклонниц артиста. *«Глава тогдашнего Всероссийского музыкального движения – Николай Рубинштейн, друг отца, частенько бывал в Ахтырке, и стены, увешанные фамильными портретами, неоднократно слышали его дивную игру»* [2: 407], – вспоминал Е.Н. Трубецкой.

Стоит отметить, что во второй половине XIX столетия в России музыканты-виртуозы вызвали большой общественный интерес, к ним относились как к исключительному явлению и смотрели довольно «романтическим» взглядом. Вспомним, например, высказывание баронессы Н.Ф. фон Мекк о том, что ее идеал человека – «непременно музыкант». В этом, возможно, заключается объяснение той легкости, с которой талантливые и наиболее предприимчивые артисты находили поддержку в среде высшего дворянства и меценатов. Так было и с Н.Г. Рубинштейном, о котором Г.А. Ларош позднее написал: *«...еще не дожив до тридцати лет, [он] был положительно из местных тузов, держал себя наравне с самыми важными стариками и приглашался <...> на всякого рода торжества общественные»* [9: 208]. Николай Григорьевич, как и его «петербургский» брат, пользовавшийся расположением Великой Княгини Елены Павловны, обрел в лице князя Николая Петровича Трубецкого влиятельного покровителя, имевшего весомое положение в свете, вхожего в высшие круги власти и обладавшего правом напрямую обращаться к августейшим покровителям Общества.

О знакомстве П.И. Чайковского с семьей Трубецких пишет Д.С. Ганешин, ссылаясь на семейную переписку Трубецких, в которой фигурирует их знакомство с Петром Ильичом и его братом Анатолием, певшим в доме Трубецких романсы Петра Ильича [2: 415]. Сам Пётр Ильич о своем пребывании в Ахтырке упоминает в письме к брату Анатолию Ильичу (от 28 сентября 1867 года) [11: 123].

В те годы П.И. Чайковский находился «на пороге» своей славы и, возможно, именно «московский» период его жизни в окружении выдающихся деятелей Московского РМО и профессоров «молодой» Консерватории, творческая атмосфера, в которой он находился, во многом определили дальнейший путь гения.

Иностранные гости князя Трубецкого – чешский скрипач Фердинанд Лауб (1832–1875) и немецкий виолончелист Бернгардт Косман (1822–1890) – к моменту их появления в Московской консерватории были уже маститыми музыкантами.

До приезда в Москву Лауб работал в оркестрах Вены и Веймара, руководил капеллой в Берлине. Косман, составивший «блестящую виртуозную карьеру» (Кашкин) концертами в Париже, Лондоне, Лейпциге, был одним из постоянных ансамблевых партнеров Лауба и Николая Рубинштейна.

По свидетельству современника это «были первоклассные артистические знаменитости» [6: 8], превосходные в сольном и ансамблевом репертуаре. О Лаубе Н.Д. Кашкин отзывался как о величайшем скрипаче-виртуозе, который «мощностью тона едва ли не превосходил всех» [6: 8]. В 1871 году П.И. Чайковский писал, что «...Москва должна гордиться, что обладает этим скрипачом – титаном» [10: 33].

Наряду с преподавательской работой артисты принимали участие в Квартетных и Симфонических собраниях Московского отделения РМО [4], а также выступали в других городах: в Петербурге Лауб играл в ансамбле с А.Г. Рубинштейном и Т. Лешетицким, в сезоне 1870–1871 годов дал концерт в Воронеже с участием пианиста Ю.Н. Мельгунова [4: 93].

После смерти Лауба в 1875 году (памяти скрипача П.И. Чайковский посвятил Третий квартет) его работу достойно продолжил И.В. Гржимали (преподавал с 1874 до 1915). Оба они вошли в историю как основатели московской скрипичной школы. Из их классов вышли замечательные виртуозы: В.Ю. Виллуан (дипломник выпуска 1871 г.), С.К. Барцевич и И.И. Котек (в 1876 г. получили золотые медали), Л.Ф. Арендс (в 1877-м), А.А. Николаев (в 1880-м) и С.И. Дочевский (в 1881-м). Бернгардт Косман преподавал в консерватории с 1866 по 1870 годы; после его отъезда Вильгельм (Василий Федорович) Фитценхаген (преподавал с 1870 по 1890) взял его учеников в свой класс, из которого впоследствии вышли выдающиеся виолончелисты, золотые медалисты

А.А. Брандуков (закончил в 1877-м), П.А. Данильченко (в 1880-м), И.Ф. Сараджев (в 1886-м с Большой серебряной медалью).

Князь Н.П. Трубецкой имел возможность слышать замечательных артистов не только в своем имении. Он принимал активное участие в организации концертной деятельности Московского отделения РМО.

В архиве ВМОМК сохранилось два письма Трубецкого к Альбрехту, в то время (1866–1883) исполнявшему обязанности инспектора консерватории:

«Прошу Вас, любезнейший Карл Карлович, прислать мне пулты для Квинтета и следующие ноты:

- 1) Квинтет Моцарта
- 2) Квинтет Шумана
- 3) Трио Мендельсона

4) сонату для виолончели и фортепиано Ант. Рубинштейна...» [1]; «...Прошу вас прислать мне <...> для сегодняшнего вечера соло для скрипки и виолончели для Лауба и Космана и трио Мендельсона. Если у вас нет, то пошлите попросить у Юргенсона» [1].

Эти документы свидетельствуют о том, до каких мелочей доходило участие Председателя Дирекции Московского отделения РМО в его текущих делах. Князь был искренне увлечен деятельностью по распространению музыкального просвещения и образования. Он грамотно выстраивал концертно-просветительскую и образовательную работу Общества, что давало возможность Н.Г. Рубинштейну сосредоточиться на музыкально-художественных задачах Московского отделения и Консерватории и собственной творческой деятельности. Искренне восхищаясь пианистическим талантом Рубинштейна, Трубецкой окружал его заботой и опекой. Причем не только в делах музыкально-общественных, но даже и в личных (однажды князь буквально спас Рубинштейна от скандала, который мог пагубным образом отразиться на репутации Московской консерватории [4: 63-64]).

Общение князя Трубецкого и Рубинштейна носило приятельский характер – Николай Петрович подписывал свои письма выражением «преданный тебе». Возможно, так происходило из-за схожести натур единомышленников. «...*Николай Петрович был человек общительный, веселый, живой и очень увлекающийся. А, увлекаясь чем-нибудь, проявлял недюжинную энергию*», – констатирует Д.С. Ганешин [2: 404]. «*Я помню его всегда простым, ясным и веселым, бесконечно жизнерадостным и остроумным...*», – можно прочесть о Рубинштейне в записках князя Е.Н. Трубецкого [2: 409-410].

Можно предположить, что князь Н.П. Трубецкой являлся ключевой фигурой в самый сложный начальный период становления концертной и образовательной деятельности Московского отделения РМО. Его открытие (1865), как и вся дальнейшая деятельность по организации концертов и созданию Московской консерватории, осуществились во многом благодаря личным деловым качествам и незаурядным интеллектуальным способностям князя.

Николай Трубецкой контролировал самые различные направления работы Московского РМО: решение финансовых вопросов, редактирование разнообразных документов (Уставы, Отчеты), ведение переписки; взаимодействие с государственными учреждениями и Главной дирекцией Общества, находящейся в Петербурге. Так, в целях большей успешности взаимодействия с Петербургской Дирекцией, он привлек к работе уполномоченного представителя Московского отделения достойную кандидатуру – Г.А. Ломакина, известного хорового дирижера и педагога, которого хорошо знал еще по Петербургу. Кроме того, Трубецкой выступал инициатором небывалой ранее для Москвы масштабной общественно-просветительской акции – проведения общедоступных концертов Отделения [4: 20-21].

Если попытаться представить себе весь объем ежедневных забот князя, большое удивление вызовет тот факт, что признание заслуг Трубецкого перед Обществом и Московской консерваторией отмечено всего в одном предложении летописи, написанной «официальным биографом» Московского отделения Н.Д. Кашкиным: «...кн[язь] Трубецкой, бывший впоследствии много лет одним из самых деятельных влиятельных членов Дирекции» [3: 22]. Исследование деятельности Н.П. Трубецкого по устройству музыкальной жизни Москвы до сих пор является актуальной задачей.

Господство музыки в Ахтырке продолжалось недолго. «Музыкальный Парнас» ждала судьба «Вишневого сада», что не стало сюрпризом для родных и близких князя Николая Трубецкого. Его сын Евгений Николаевич свидетельствовал: «*Полностью уйдя в музыку, увлеченно отдаваясь интересам большого музыкального дела, с отречением от собственных интересов и даже от благополучия своей семьи Н. П. Трубецкой разорялся. Организуя и лично участвуя в благотворительности, требовавшей средств, он, чтобы существовать самому и растить своих многочисленных детей, давать им воспитание и образование, поспешно и убыточно продавал свои угодья и рощи, оставшиеся после реформы, и безнадежно залезал в неоплатные долги. Он мог жить только музыкой или интересами, связанными с нею, и общаться с людьми музыкаль-*

ного мира, близкими ему по духу, пренебрегая личным управлением имениями — единственным источником своих доходов. Управляющих, обворовывающих его на каждом шагу, он не проверял и деловой перепиской с ними занимался мало и небрежно, не имея сил сосредоточиться на этом неприятном деле в ущерб своему главному и любимому занятию. Дела музыкального общества он устроивал превосходно, а свои — из рук вон плохо.

15 апреля 1875 года Софья Алексеевна так со вздохом заканчивала свое письмо мужу из Ахтырки: «Помоги тебе Бог устроить чужие дела, может быть и о нас кто-нибудь, когда-нибудь позаботится». Существование Ахтырки Трубецких, как бы они ее тогда ни любили и как ни была она нужна их же детям, постепенно приходило к своему концу» [2: 414].

После революции дворец исчез в огне, и ныне только усадебная церковь во имя Ахтырской иконы Богоматери свидетельствует о вечной памяти выдающихся представителей русской аристократии — князей Трубецких, служивших во славу Отечества и русской культуры.

Возможно, будущие поколения отечественных музыкантов смогут оживить своим искусством Ахтырку, которая когда-то была единственным подмосковным «дворянским гнездом», связанным с именами основателей и первых профессоров Московской консерватории, заложивших ее «художественный» фундамент.

Список литературы References

1. ВМОМК им. М.И. Глинки, фонды 37 и 80.
From the Museum of musical them. M. I. Glinka, funds 37 and 80.
2. Ганешин Д.С. Ахтырка. Записки краеведа // Панорама искусств. 1981. № 4.
Ganesan D. S. Romney. Notes of a local historian // Panorama of the arts. 1981. No. 4.
3. Московское отделение Императорского Русского Музыкального Общества. Очерк деятельности за пятидесятилетие 1860–1910. Составлен по поручению Дирекции Московского Отделения заслуженным профессором Н.Д. Капшкиным. М., 1910.
The Moscow branch of the Imperial Russian Musical Society. Outline of activities for the fiftieth anniversary 1860-1910. Compiled on behalf of the Directorate of the Moscow branch of the distinguished Professor N. D. Kashkin. M., 1910.
4. Павлинова В.П. Князь Николай Петрович Трубецкой – первый председатель Московского отделения РМО // К 150-летию Московского отделения русского музыкального общества (1860–2010) / Редактор-составитель О.Р. Глушкова. М., 2010.
Pavlinov, V. P., Prince Nikolai Petrovich Trubetsky was the first Chairman of the Moscow branch of the RMO // the 150th anniversary of the Moscow branch of the Russian musical society (1860-2010) / Editor-composer A. R. Glushkov. M., 2010.
5. Первое двадцатипятилетие Московской Консерватории. Исторический очерк профессора консерватории Н. Капшкина. М., 1891.
The first twenty-five years at the Moscow Conservatory. Historical sketch of the professors of the Conservatory N. Kashkin. M., 1891.
6. Смирнова Т.В. Усадьба Ахтырка и князя Трубецкие. Сергиев Посад, 2006.
Smirnova T. V. Manor Romney and Prince Trubetsky. Sergiev Posad, 2006.
7. Трубецкой Е.Н., князь. Из прошлого // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! / Сост. А.В. Трубецкой. М., 1996.
Trubetsky E. N., Prince. From the past // Prince Trubetsky. Russia will rise up! / Comp. A. V. Trubetsky. M., 1996.
8. Чайковский М.И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. В 3 т. Т. I. М.; Лейпциг, 1900.
Tchaikovsky M. I. The Life Of Peter Pylich Tchaikovsky. 3 T. T. I. M.; Leipzig, 1900.
9. Чайковский П.И. Музыкально-критические статьи. М., 1953.
Tchaikovsky P. I. Musical-critical articles. M., 1953.
10. Чайковский П.И. ПСС. Т.V. Литературные произведения и переписка. М., Музгиз. 1959.
Tchaikovsky P. I. MSS. V. Literary works and correspondence. M., Muzgiz. 1959.
11. 500 лет из истории Ахтырки. Хотьково: Издание храма Ахтырской иконы Божией Матери, 2004.
500 years of the history of Akhtyrka. Khotkovo: the Publication of the temple of Akhtyrskaya Mother of God, 2004.